

## ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И СИНЕРГЕТИКА

С древнейших времён в истории человечества особая роль принадлежит носителям интеллекта. *«Проторивание охотничьей тропы в лесу, использование созвездий как ориентиров в морских путешествиях, пророчествования, изобретения, научные дискуссии и т.п., то есть все те области человеческой деятельности, где надо что-то узнать, сделать нечто новое, принять решение, понять, объяснить, открыть, – всё это сфера действия интеллекта. Интеллект – как здоровье: когда он есть и когда он работает, его не замечаешь и о нем не думаешь, когда же его недостаточно и когда в его работе начинаются сбои, то нормальный ход жизни нарушается»<sup>1</sup>.*

Общеизвестно, что в нынешних обстоятельствах умственный потенциал на­родонаселения – наравне с демографическим, территориальным, сырьевым, техно­логическим параметрами того или иного общества – является стержневой основой его передового созрева­ния.

Во-первых, одним из решающих обстоятельств экономического раскручива­ния сейчас оказывается умственное производство, а первостепенной фигурой дос­тояния – собственность умственная. По суждению ряда аналитиков, в сегодня можно заявлять о глобальном интеллектуальном переделе вселенной, значащем беспощадную конкурентную войну некоторых держав за преимущественное владе­ние умственно талантливыми людьми – вероятными носителями новейшего запаса знаний.

Во-вторых, умственное творчество, пребывая неотъемлемой стороной чело­веческой духовности, входит в качестве общественного устройства, который про­тивостоит регрессивным тенденциям в формировании новых миров, отличных от прежних «первого», «второго» и «третьего миров». Продуктом интеллектуального творчества приходятся идеи. Пласт идей в социальной атмосфере незначителен. Чем незначительнее в обществе мудрых людей, тем в пушей мере истончается ум­ственный культурный пласт, тем, стало быть, больше «озоновых дыр» и тем более изъявлены деструктивные установки в мире. «Сон разума рождает чудовищ» – как неисчислимы трагические свидетельства данной максимы!

---

<sup>1</sup> Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб., 2002. с. 9.

В-третьих, труд рассудка – это гарантия индивидуальной независимости людей и самодостаточности их персональных участв. Чем в вящей грани человек употребляет личный здравый смысл в рассмотрении и оценке проистекающего, тем в минимальной мере он податлив по отношению ко всяким манипулированиям им извне. Философская формула «свобода есть осознанная необходимость» точна и в психологическом плане: человек может вести себя самостоятельно от обстоятельства, исключительно, если он располагает абсолютным и адекватным взглядом на данную обстановку.

Перечень подтверждений значительности умственных способностей можно продолжать опять-таки длительное время. Однако в этом нет смысла, поскольку декларирование исключительной роли этого уникального человеческого качества самым парадоксальным образом не соответствует реально сложившемуся отношению к проблеме интеллекта: фактически, интеллект оказался подвергнутым своего рода остракизму и на государственно-идеологическом, и на обыденно-житейском, и на профессионально-психологическом уровнях.

Держава как социальный институт, призванный заниматься системой существования собственных граждан, как правило, настороженно смотрит на умственно даровитых людей, несомненно, отдавая собственные благоволения людям с всяким иным видом талантливости (спортсменам, певцам, танцорам, мастерам по вышивке бисером и т.п.). Социально-государственный нюх отвержения «чересчур умных», бесспорно, соединен с опасением инакомыслия как явления, способного поставить под вопрос или превратить в развалины общеустановленные общественные ценности. В целом по отношению общества к собственной интеллектуальной элите можно предопределять то, здорово оно либо поражено вирусом тоталитаризма (независимо от того, исповедуется при этом коммунистическая, националистическая, демократическая или религиозная идеология). Ни один тоталитарный государственный строй не заинтересован в выработывании интеллектуальных потенциалов собственных граждан, поскольку скудоумными людьми распоряжаться существенно проще.

В свою очередь, на обыденно-житейском уровне наличествует непреклонный стереотип о необязательности, и даже нежелательности умственных способностей в строю прочих персональных психологических признаков. «Горе от ума» – с настоящей констатацией склонны согласиться весьма многие. В одном из освидетельствований практически все зрелые испытуемые, обозначая в виде точки собственное положение на оси с полюсами «очень глупый – очень умный», пытались

сместить себя к центру шкалы. Коллективное суждение сформулировал в разъяснении личного предпочтения один из испытуемых, заявив: «Я не настолько глуп, чтобы быть умным»<sup>2</sup>. По всей вероятности, пренебрежение мыслительными способностями в диапазоне обыденного индивидуального умонастроения определено не только воздействием злободневных реалий, но и влиянием психологической самозащиты личности, соединенною с потребностью избежать угрозы «погибнуть от истины» (Фр. Ницше).

За неверное представление об интеллекте, выстроившееся в общественном сознании на разных его уровнях, приходится платить дорогую цену, выражающуюся в падении интеллектуального потенциала общества. Речь идет о феномене «функциональной глупости», обнаруживающем себя в увеличении в общей массе населения числа лиц со средним и низким уровнем интеллектуальных возможностей. Такого рода смещение нормального распределения интеллектуальных способностей людей имеет временный характер и наблюдается в условиях действия целого ряда неблагоприятных для жизни человека факторов. К числу последних можно отнести генетико-биологические факторы (ухудшение режима питания, экологической обстановки, медицинского обслуживания, рост алкоголизации населения, наркозависимости и т.д.), психологические факторы (стрессы, внутриличностные и межличностные конфликты, разрушение образа будущего и т.д.). В современном российском обществе все эти факторы представлены в полном наборе. Следует подчеркнуть, что если их действие будет достаточно длительным, то тенденция роста «функциональной глупости» может приобрести необратимый характер со всеми вытекающими отсюда последствиями.

По прогнозу японских футурологов, в начале третьего тысячелетия все страны мира разделятся на четыре группы в зависимости оттого, что та или иная страна сможет предложить на мировом рынке, с соответствующими показателями уровня жизни своего населения. **Первая группа** стран будет торговать идеями, проектами и высокими технологиями, поэтому граждане этих стран будут жить достаточно хорошо. **Вторая группа** стран сможет предложить миру сложную радиоэлектронную технику, в результате проживающие в них граждане будут жить неплохо. **Третья группа** стран будет снабжать мировой рынок продукцией машиностроения, пищевой промышленности и сырьем, и, как следствие, уровень жизни граждан этих стран будет относительно низким. **Четвертая группа** стран окажется

---

<sup>2</sup> Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб., 2002. с. 11.

в состоянии предложить мировому сообществу только дешёвую рабочую силу. Комментарии к вопросу о качестве жизни граждан этих стран, а также к вопросу о возможном месте России в будущей мировой системе излишни.

В этой связи можно попробовать по-новому оценить роль и место интеллигенции/интеллектуалов в жизни человеческого сообщества, ибо назначение интеллекта – создавать порядок из хаоса на основе приведения в соответствие индивидуальных потребностей с объективными требованиями реальности. На историков, занимающихся изучением феномена интеллигенции/интеллектуалов, ложится большая ответственность в донесении до массового сознания современного объективно-научного знания о значении этого социального слоя в истории цивилизации. Одним из наиболее продуктивных современных подходов в изучении истории интеллигенции/интеллектуалов может стать синергетика и рассмотрение данного социального явления через понятие хаоса.

Понятие хаоса в современной науке уходит своими корнями в глубины истории человеческой мысли о сущности и происхождении бытия. Динамику развития представления о хаосе и человеческом сознании можно проследить во времени и разных областях знания. Однако, как указывает А.А. Афанасьева, как правило, имело место только феноменологическое описание хаоса, то есть описание на основе неких общих представлений и идей, независимо от физической природы описываемых систем, а попытки описать его в рамках некой конкретной модели приводили к тому, что хаос низводился до большого числа регулярных движений. Представления о хаосе всегда имели личностную, субъективную окраску, сильно меняющуюся со временем<sup>3</sup>.

Как глубинное понятие – образ мировой культуры, мифологии, философии – хаос встречается во всех культурах, используется в качестве основания во всех науках. Интуитивно под хаосом понимали исходное состояние мира, давшее начало основным сущностям. В древнейших мифологических представлениях хаос отождествлялся с зияющей бездной, наполненной туманом и мраком, неорганизованной стихией, из которой впоследствии образовалось всё существующее. Согласно учению орфиков, появление глубинной бездны связано с Хроносом, олицетворением вечного времени. Хаос возник из бесконечности, где обитали ночь и туман. Под действием времени туман вращался, постоянно принимая форму яйца, в середине которого находился эфир. От быстрого движения яйцо созрело и распа-

---

<sup>3</sup> Афанасьева В.В. К философскому обоснованию феномена детерминированного хаоса // <http://ivanem.chat.ru/afanasieva1.htm>.

лось на две части, определившие начало земли и неба. По версии Овидия хаос представлял собой водную стихию. Из неподвижной беспорядочной массы выделились земля, небо, вода и густой, словно кисель, воздух. Сторонники третьего варианта сотворения мира называли хаосом воздушное или туманное пространство, располагавшееся между небом и землей<sup>4</sup>.

Миф стал первой формой рационального постижения мира, а превращение хаоса в космос – наиболее характерной чертой мифологического видения реальности. Первобытный человек постоянно сталкивался с непостижимым. Окружавшим, казалось бы, понятный для него круг явлений. Непостижимое давало о себе знать, когда он обращал свой взор на себя, своих собратьев, природные феномены или же пытался объять целостность универсума. Миф создавал возможность постижения мира как некоего организованного целого, выражая его в простой и доступной схеме, которая могла претворяться в магическое действие как средство покорения непостижимого<sup>5</sup>.

В древневосточной философии, в частности в даосизме, изначально «неназываемое Дао» выступает творческим организующим началом. Хаос (Хунь Дунь) – также одно из центральных понятий даосизма, возможно, одно из ключевых для проникновения в его суть и специфику как мировоззрения, по сравнению с западным: вместо логической чёткости дискурсивного анализа – совершенно сознательная установка на «туманное и смутное», вместо целенаправленного действия – недеяние (У Вэй), вместо метода постижения истины – спонтанное бытие, вместо логоса – хаос<sup>6</sup>.

Сходные представления о рождении порядка и жизни из хаоса можно найти в древнеиндийских «Ведах», у шумеров, египтян, скандинавов. У всех народов на основе хаоса разрабатывается космогонический цикл (*порядок1→хаос1→порядок2→хаос2...*) и неизбежность мировых катастроф. Отсюда подсознательный страх, ужас, порождаемый темнотой, ночью, бесформенностью, фрактальностью\* изначального беспорядка, угрожающего переходом в небытие<sup>7</sup>.

В современном обыденном сознании понятие первозданного хаоса трансформировалось в синоним отсутствия порядка, полной путаницы (в делах или го-

---

<sup>4</sup> *Энциклопедия мифологии.* – М., 2002. – с. 302.

<sup>5</sup> Губман Б.Л. Введение в философию культуры. – Тверь, 1995. – с. 197.

<sup>6</sup> Войцехович В.Э. Синергетические коммуникации: поиски нового подхода к воспитанию и обучению в ВУЗе // *Процесс обучения и воспитания: содержание и методы реализации. Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Тверского гос. Ун-та 22 октября – 1 ноября 2001 г.* – Тверь, 2002. – ч. 1. с. 26.

\* **фрактал** (от лат. fractura) – обломок, отколок, часть.

<sup>7</sup> Белая И.В. Дао – путь или истина? // *Вопросы философии науки и образования.* – М., 2003. с. 51.

лове человека) или нагромождения чего-либо как результата действия стихийных сил. В русском менталитете хаос ассоциируется с понятием беспорядка, суеты, хлама, революциями или бунтами, последствиями ядерного взрыва и противопоставляется порядку<sup>8</sup>. Как видно, для рядового носителя русского языка восприятие понятия хаоса связано преимущественно с негативными переживаниями и оценками. В традиционных лексикографических источниках и энциклопедиях, как правило, кроме негативной стороны понятия (неразбериха, неустройство) отражается и его позитивная, первичная суть «начала всех начал», а именно: состояние нашей планеты до мироздания (обычно со ссылкой на греческую мифологию). В научной литературе хаос принято противопоставлять гармонии, а в последнее время в современных синергетических концепциях хаос, беспорядок, возрастание энтропии\* рассматривается не как нечто противоположное гармонии, упорядоченности, информации, а как переходное состояние от одного уровня упорядоченности к другому<sup>9</sup>.

Таким образом, за несколько тысячелетий понятие хаоса выросло от некоего смутного, интуитивного представления до общенаучного понятия, а теперь и до новой парадигмы современной науки. В естествознании до недавнего времени под хаосом понимали состояние системы, характеризующееся полным отсутствием порядка, как пространственного, так и временного, причем понятие порядка было аксиоматическим, то есть не определялось. Предпринимались попытки примирить классическую физику с существованием хаотических движений при помощи статистических описаний, однако такое положение вещей было признано чрезмерно упрощающим действительность. Новые достижения современной физики и, прежде всего, открытие явления динамического хаоса, показали, что хаотические состояния нелинейных систем самой различной природы не только не являются чем-то из ряда вон выходящим, экзотическим, но наоборот, должны рассматриваться как закономерные и при определенных условиях даже неизбежные. Впервые понятие «хаос» встало рядом с понятием «закон»<sup>10</sup>. Для его осмысления потребовались новые научные подходы, выражением которых стала синергетика.

---

<sup>8</sup> *Русский Ассоциативный словарь*. М., 1996.- кн. 2. – ч. 2. – с. 268.

\* **энтропия** (от греч. entropia – поворот, превращение) – мера неопределенности ситуации с конечным или с четным числом исходов; опыт, до проведения которого результат в точности неизвестен.

<sup>9</sup> *Осанов А.А.* Творчество как искусство претворять смыслы (о прозрении гармонии в обличье хаоса) // <http://ivanem.chat.ru/osanov.htm>.

<sup>10</sup> *Афанасьева В.В.* К философскому обоснованию феномена детерминированного хаоса // <http://ivanem.chat.ru/afanasieva1.htm>.

**Синергетика** (от греч. synergetikos – совместный, согласованно действующий) – это научное направление, изучающее связи между элементами структуры (подсистемами), которые образуются в открытых системах благодаря процессам самоорганизации в природе и обществе. Предметом синергетики являются механизмы спонтанного образования и сохранения сложных систем, особенно находящихся в отношении устойчивого неравновесия со средой (к последним относятся, в частности, все биотические и социальные организмы). Таким образом, в сферу внимания попадают нелинейные эффекты эволюции систем любого типа, кризисы и бифуркации\* – неустойчивые фазы существования, предполагающие множественность сценариев дальнейшего развития<sup>11</sup>.

Сегодня синергетика (а также входящая в неё и близкая по смыслу теория самоорганизации) включает в себя, по крайней мере, три уровня идей:

1. **Частнонаучный** (конкретные теории самоорганизации структур в физике, химии, биологии, экологии, психологии и других частных науках, в том числе теории динамического хаоса).
2. **Общенаучный** (концепции самоорганизации Г. Хакена, И. Пригожина, С. Курдюмова, Э. Ласло и других известных авторов, которые формулируют общие понятия, принципы и законы самоорганизации, применяемые во всех объективных, связанных с эмпирическим опытом, науках, включая теорию хаоса, а также в математике как общенаучной дисциплине).
3. **Мировоззренческий** (синергетика как ядро мировоззрения нового типа, обобщающего мировоззрения прежнего типа – мифологию, религию, философию).

На общенаучном уровне обычно вводят 4-е понятия: *открытость*, *диссипативность*\*\* , *нелинейность*, *параметр порядка (с принципом подчинения)*, которые описывают очень широкий класс всевозможных возникающих, эволюционирующих, становящихся и исчезающих систем (в природе, обществе и даже психике человека).

Становление систем, их возникновение и исчезновение, превращение одной системы (вещи, идеи, образа) в другую, переходы (*порядок1→хаос1→порядок2→хаос2...*) и тому подобные сильно неустойчивые процессы – всё это и есть объекты синергетики. Описание, объяснение и предсказание

---

\* **бифуркация** (от лат. bicus – раздвоенный) – раздвоение, разделение, разветвление.

<sup>11</sup> Митина О.В., Назаретян А.П. Синергетика // *Культурология. XX век*. Энциклопедия. Т. 2. – СПб., 1998. с. 212.

\*\* **диссипация** (от лат. dissipation) – рассеяние, расхождение.

эволюции систем, их движение по траектории в фазовом пространстве дают частнонаучные теории и общенаучные концепции синергетики. Так, термодинамика неравновесных процессов вместе с теорией диссипативных структур, развиваемые лауреатом Нобелевской премии биофизиком И. Пригожиным, Ю. Климонтовичем и другими применяется теперь не только в физике, но и экологии. Есть даже успешные попытки их использования в социологии, языкознании, психологии, педагогике.

В синергетических проблемах проявляется и наиболее фундаментальный – мировоззренческий уровень знания. Мы уверены, что синергетика – не только основа новой научной парадигмы, как об этом пишет И. Пригожин. Он считает, что мы переживаем тот период научной революции, когда коренной переоценке подвергается место и само существо научного подхода, – период, несколько напоминающий возникновение научного подхода в Древней Греции или его возрождение во времена Галилея.

Синергетика столь специфична, что требует принципиально нового общего взгляда на бытие в целом, взгляда, отличающегося от всей западной философии, основанной на мышлении в жёстких фиксированных понятиях, но в то же время взгляда, обобщающего и сближающего Платона и Лао-Цзы, Лейбница и Будду, других мыслителей, только кажущихся несовместимыми.

Совершенно явно видны фрактальные структуры, соединяющие естественнонаучное и гуманитарное знание, западную и восточную культуры, науку и религию (как это и предсказывал более 100-летия назад В.С. Соловьёв). На наших глазах возникают контуры мировоззрения особого типа, принципиально отличающиеся от старых, известных тысячелетия типов мировоззрения (мифологии, религии, эзотерики, философии).

В центре синергетики (как науки, как мировоззрения) стоит понятие **фрактала**. Это понятие является общенаучным и означает неустойчивое, переходное, быстро переходящее состояние эволюционирующего объекта, состояние промежуточное – между одним устойчивым состоянием и другим. Различают фракталы в естествознании и гуманитарных науках, в математике и даже философии.

Примеры фракталов в природе: изрезанное побережье (например, в Скандинавии), облако, гора, река, дерево, тающая снежинка, гусеница в коконе, в период постепенного превращения в бабочку и т.п. Фракталы в гуманитарных областях: влюблённость как состояние, промежуточное между наличием и отсутствием любви у данного человека (и вообще все переходные состояния психики человека),

возникновение нового языка, «Белый дракон» – древняя китайская картина, чистый белый лист, созерцая который каждый зритель видит то, что возникает в его воображении, аналогичное произведение – «Чёрный квадрат» Малевича, также многослойные, многозначные произведения художественной литературы или театра, осваивая которые читатель или зритель движется то в одном, то в другом направлении, не останавливаясь ни на одном устойчивом образе, а постоянно переходя от одного к другому.

Фракталу как теоретическому конструкту, как главному, центральному понятию фундаментальной научной теории (синергетики) нельзя дать определение, то есть свести к старым, уже известным понятиям. Так было, например, с понятием электромагнитного поля (в классической электродинамике Дж. К. Максвелла) или с понятием множества (в теории множеств Г. Кантора). Таким понятиям, вводящим принципиально новое знание, можно дать метафорические, ассоциативные характеристики, но нельзя дать определение, то есть редуцировать\* новое к старому. Ведущий принцип синергетического мировоззрения: «Всё есть фрактал» (если формулировать специфику этой «философии» подобно Пифагору «Всё есть число», Гераклиту «Всё есть огонь», Демокриту «Всё есть атомы и пустота», Платону «Всё есть идеи» или Аристотелю «Всё есть форма и материя»).

Мышление-чувствование-переживание фрактальными, неустойчивыми, многомерными образами-мыслеформами открывает вселенную гораздо более богатую, чем это представлялось до сих пор. Эта тема столь трудна и фундаментальна, что пройдут ещё десятки лет, прежде чем научное сообщество хотя бы поймёт, о чём здесь идёт речь.

Осознание того факта, что хаотическая динамика присуща практически всем нелинейным физическим системам, стало революцией в современном естествознании. Огромную роль в этом сыграли работы И. Пригожина. Мотивацией его работы, выполненной совместно с И. Стенгерс, был парадокс времени, который, однако, не существует сам по себе<sup>12</sup>. С ним тесно связаны два других парадокса, которые, как пишет И. Пригожин, имеют самое непосредственное отношение к отрицанию парадокса времени: «квантовый парадокс» и «космологический парадокс»<sup>13</sup>. Такая проблема, как парадокс времени, для людей, далеких от физики, может пока-

---

\* **редуцировать** (от лат. *reducere* – отводить назад, возвращать) – подвергать редукции, то есть упрощению, сведению сложного к более простому, обозримому, понимаемому, более доступному для анализа или решения.

<sup>12</sup> Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант*. М., 1999.

<sup>13</sup> Там же. с. 10.

заться странной: «Как физика, предъявляющая всё более строгие требования к эксперименту, что означает всё более тесную связь между теорией и опытом, держит отрицать различие между прошлым и будущим?»<sup>14</sup>.

Парадокс времени не был осмыслен вплоть до второй половины XIX века. К тому времени законы динамики уже давно воспринимались как выражающие идеал объективного знания. А поскольку из этих законов следовала эквивалентность между прошлыми и будущим, всякая попытка придать *стреле времени* (выражение Эддингтона) некое фундаментальное значение наталкивалось на упорное сопротивление как угроза объективному знанию. Однако разделять эту точку зрения, по мнению И. Пригожина, более невозможно. В последние десятилетия родилась новая наука – физика неравновесных процессов, связанная с такими понятиями, как *самоорганизация, диссипативные структуры, необратимость*. Последнее играет существенную конструктивную роль: необратимость приводит к множеству новых явлений, таких как образование вихрей и т.п. Невозможно себе представить жизнь в мире, лишенном взаимосвязей, создаваемых необратимыми процессами. Время и реальность неразсторжимо связаны между собой. Отрицание времени может быть актом отчаяния или казаться триумфом человеческой мысли, но это всегда отрицание реальности<sup>15</sup>. Однако и то, что полностью случайно, также лишено реальности. И. Пригожин считает самым разумным отыскать узкую тропинку между двумя концепциями, каждая из которых приводит к отчуждению: концепцией мира, управляемого законами, не оставляющими места для новации и созидания, и концепцией, символизируемой Богом, играющим в кости, концепцией абсурдного, акаузального\* мира, в котором ничего нельзя понять<sup>16</sup>. «Поиск тропинки» – это и есть основная тема книги И. Пригожина и разделяющей его взгляды И. Стенгерс. Стрела времени, как убедительно показывают авторы книги, существует: «...мы дети стрелы времени, эволюции, но отнюдь не её создатели»<sup>17</sup>.

Исследование парадокса времени заставило И. Пригожина рассмотреть проблему центральной роли «законов природы». Он считает отождествление науки с поисками «законов природы» самой оригинальной концепцией западной науки. Прототипом универсального закона природы служит закон Ньютона, который детерминистичен (коль скоро начальные условия известны, можно предсказывать

---

<sup>14</sup> Там же. с. 5.

<sup>15</sup> Там же. с. 260.

\* **акаузальный** (от лат. Cause – причина) – беспричинный.

<sup>16</sup> Там же. с. 261.

<sup>17</sup> Там же. с. 5.

движение) и обратим во времени (между предсказанием будущего и восстановлением прошлого нет никакого различия). Границы физики значительно расширились с начала XX века, однако основные характеристики закона Ньютона – детерминизм\*\* и обратимость во времени – сохранились. На протяжении всей истории западной мысли неоднократно возникал один и тот же вопрос: как следует понимать новое, играющее центральную роль в мире, управляемым детерминистическими законами? Очевидно, настало время видоизменить само понятие физических законов так, чтобы включить в фундаментальное описание природы необратимость, события и стрелу времени. Прежде чем принять подобную программу, И. Пригожин подвергает понятие «закон природы» блестящему анализу, на котором стоит остановиться подробнее.

Ученый пишет, что мы настолько привыкли к понятию «закон природы», что оно воспринимается как трюизм, как нечто само собой разумеющееся. Однако в других взглядах нами такая концепция «закона природы» отсутствует. По Аристотелю, живые существа не подчиняются никаким законам. Их деятельность обусловлена их собственными автономными внутренними причинами. Каждое существо стремится к достижению своей собственной истины. В Китае господствовали идеи спонтанной гармонии космоса, своего рода статического равновесия, связывающего воедино природу, общество и небеса. Идея о том, что в мире могут действовать законы, вызрела в недрах западной мысли. Отчасти эти идеи восходят к стоикам, несмотря на ту роль, которую они отводили року. Немаловажное значение сыграли здесь христианские представления о Боге как всемогущем Вседержителе, устанавливающим законы для всего сущего. Для Бога всё есть данность: новое, выбор или спонтанные действия с нашей, человеческой точки зрения. Теология и наука достигли согласия. Однако это препятствовало, как уже было сказано, включению события и вероятности, например, в эволюционное описание, будь то дарвиновская эволюция или эволюция истории человечества<sup>18</sup>. Традиционный подход привел к отчуждению фундаментальной физики от всех остальных наук, исходивших в своих описаниях из допущения о существовании стрелы времени.

Основательный пересмотр формулировки законов природы стал возможен благодаря замечательным успехам, связанным с идеями неустойчивости и хаоса. С их помощью разрешимы сопутствующие парадоксу времени квантовый и космологический парадоксы. Теперь возможна реалистическая интерпретация квантовой

---

\*\* **детерминизм** (от лат. *determinare* – определять) – философское учение закономерной взаимосвязи и причинной обусловленности всех явлений.

<sup>18</sup> Там же. с. 6 – 8.

теории. Что касается космологии, то рождение Вселенной в результате Большого Взрыва около 15 миллиардов лет назад не может не рассматриваться как *событие*. Однако в традиционную формулировку законов природы события не входят, и гипотеза Большого Взрыва поставила физику «*перед её величайшим кризисом*». Кризис разрешим, если принять точку зрения И. Пригожина, что события являются следствием неустойчивости хаоса<sup>19</sup>. В рамках детерминистического подхода всё, в том числе и написание книги И. Пригожина, предопределено с момента Большого Взрыва. В новой формулировке законов природы последние относятся к *вероятностям*. Ученый сравнивает природу с образом ребенка: отваживаясь делать свои первые шаги, ребенок может в дальнейшем стать музыкантом, юристом или стоматологом, но выбрав что-то одно, а не всё сразу. К счастью для нас эволюция Вселенной привела к зарождению жизни на Земле и, в конечном счёте, к появлению человека<sup>20</sup>.

И. Пригожин убежден, что его подход приводит к более согласованному и единообразному описанию природы. Между фундаментальными законами физики и всеми остальными уровнями описания, включающего в себя химию, биологию и гуманитарные науки, существовал разрыв. Новая перспектива, которая открывается благодаря объединяющей роли хаоса, глубоко трансформирует связь между науками. Однако ученый предостерегает от искушения создать «*теорию всего на свете*»: унифицирующий элемент, вводимый хаосом, соответствует концепции открытого эволюционирующего мира, в котором, по словам Поля Валерии, «*время есть конструкция*»<sup>21</sup>. Суть «диалога с природой», который связывается с научным пониманием, заключается в том, чтобы превратить хаос в новое орудие исследования ситуаций, до сих пор остававшихся вне досягаемости физики<sup>22</sup>.

Понятие **аттрактора** (от лат. *attraho* – притягивающий к себе), фигурирующее в исследовании И. Пригожина, используется им для описания эволюции диссипативных систем; к таким, например, относится движение реального маятника, включающее трение. В отличие от идеального маятника (без трения), движение которого бесконечно, реальный – постепенно останавливается в положении равновесия: это положение и является аттрактором. Не все диссипативные системы приходят к одной единственной конечной точке. Например, сильно неравновесная диссипативная структура, известная под названием «химические часы», эволюциони-

---

<sup>19</sup> Там же. с. 11.

<sup>20</sup> Там же. с. 11 – 12.

<sup>21</sup> Там же. с. 257 – 258.

<sup>22</sup> Там же. с. 262.

зирует не к какому-нибудь состоянию, а к устойчивому периодическому режиму. Такая ситуация приводит к необходимости обобщения идеи аттрактора: он более не точка, а линия. В других случаях, пытаясь построить геометрическое изображение аттрактора, можно получить поверхность или объем. Полной неожиданностью стало открытие так называемых *странных аттракторов*. В отличие от линии или поверхности, странные аттракторы характеризуются не целыми, а дробными размерностями. Они являются *фрактальными объектами*<sup>23</sup>. Открытие фрактальных объектов позволило по-новому взглянуть на удивительный мир форм, существующих в природе. Большинство из них не являются правильными геометрическими объектами, но могут быть охарактеризованы дробными размерностями.

Мы можем, наверное, отнести сюда и социальное поведение людей, где огромную роль играют установки (attitudes), характеризующие общий стиль мышления. Р. Айзер предлагает свой взгляд на исследование социальных установок как многомерных и сложных образований, постоянно подвергающихся изменениям во времени. Он считает естественным описывать их как нелинейные пространства, поверхность которых представляет собой фрактальные очертания<sup>24</sup>. По его мнению, фрактальные формы и поверхности очень часто являются прекрасным «решением» частных проблем, таких, например, как уловить максимальное количество солнечного света и дождя, если речь идет о травинке в поле, или как максимально увеличить обрабатывающую способность коры головного мозга, которая содержится в черепной коробке<sup>25</sup>.

Семантическая теория К. Харди использует идею аттрактора при описании функционирования семантических констелляций (от лат. constellation – взаимное расположение): последние организуют сходный предшествующий опыт. Значительные расхождения в контексте и параметрах этого опыта могут вызвать модификацию аттрактора и привести к бифуркации. Взаимодействие конвергентных\* и дивергентных\*\* сил такого рода обеспечивает гибкость соответствующих процессов, их способность к развитию. Например, при создании новых значений семантическая констелляция может разбиться на две суб-констелляции, содержащих конфликтные, антагонистические установки (или типы поведения) по отношению к

---

<sup>23</sup> Там же. с. 77 – 78.

<sup>24</sup> Eiser J. Richard. Attitudes, chaos and connectionist mind. – Cambridge, 1994. – p. 252.

<sup>25</sup> Op. cit., p. 180.

\* **конвергенция** (от лат. convergens – сходящийся) – схождение, сближение.

\*\* **дивергенция** (от лат. divergere – расходиться) – расхождение, варьирование.

одному и тому же опыту. Такое поведение констелляций обеспечивает психику способностью к выбору и адаптации<sup>26</sup>.

Нетрудно представить, что при таком подходе границы семантических констелляций причудливо изрезаны, фрактальны, создавая тем самым «живой» пейзаж ментальной структуры человека. В эту картину можно удачно вписать единицы ментального лексикона, его ядра, как сущностей, очертания которых также фрактальны, одновременно являясь границей между стабильным и нестабильным состоянием.

Таким образом, в глобальном смысле основные элементы теории хаоса открывают возможности поиска если не универсального, то, по крайней мере, объединяющего принципа устройства мироздания на всех уровнях. В том числе, на мой взгляд, синергетика позволяет с современной научной точки зрения рассмотреть природу генезиса и эволюции такого сложного явления общественно-социальной жизни как интеллигенция/интеллектуалы. Уже многие десятилетия ведутся научные и околонучные дискуссии не только о природе данного явления, но даже о «каноническом определении» интеллигенции/интеллектуалов. Вышло немало работ философов, культурологов и историков, где предпринимаются попытки подвести итоги всех предыдущих научных изысканий и предложить нечто своё<sup>27</sup>.

Однако, поиски «своего канонического определения» интеллигенции/интеллектуалов продолжаются не только в российском обществоведении, но и за рубежом, ибо правильно определить понятие – это означает почти разгадать его природу. Польский социолог Ян Шепанский выявил более 60 различных определений и интерпретаций терминов интеллигенция/интеллектуалы<sup>28</sup>. Им же выделено три категории определений данного термина: Во-первых, по роли критических интеллектуалов и творческой интеллигенции в создании и защите высших и неизменных ценностей правды, красоты, добра и справедливости. Во-вторых, по роли в популяризации идей, создании мифов и идеологий, а также критикующих общественный порядок. В-третьих, как особого социального слоя, играющего решающую роль в развитии культуры на основе определяющих признаков – высшее или среднее специальное образование и нефизическому характеру труда. Сам Ян Шепанский попытался дать всеобъемлющее определение интеллигенции/интеллектуалам,

---

<sup>26</sup> Hardy C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter. – Westport – London, 1998. p. 6.

<sup>27</sup> См., напр.: Возилов В.В., Назаров Ю.Н. Философия интеллигенции: Разум как революционная сила истории. – Иваново, 2002.

<sup>28</sup> Szczepanski J. Inteligencja a spoleczenstwo. Warszawa, 1957. Szczepanski J. Intellectuals in Contemporary Societies. Stanford, 1961.

чтобы включить в него различные группы: *«Мы выделяем в интеллигенции категории интеллектуалов, создающих эстетические ценности; учёных, создающих интеллектуальные системы; специалистов различных типов, использующих теоретические знания для решения конкретных проблем; идеологов, которые создают и распространяют жизненную философию и политическую идеологию; вербальных техников, которые распространяют зарубежные идеи, комментируют и критикуют работу других людей и общественные институты других обществ»*<sup>29</sup>.

При этом, на мой взгляд, получилось не всеобъемлющее определение, а скорее перечисление в самом общем виде сфер преломления интеллектуального труда. Возможно, на сегодня, в том случае, остается более верным и точным определение Л.П. Сверчковой интеллигенции как специфического субъекта духовного производства, социальная природа которого зависит от роли в общественной организации труда<sup>30</sup>. Именно это дает нам основание утверждать, что *"в процессе развития любая социальная группа создаёт собственную интеллигенцию, представляющую из себя интеллектуальный слой данной группы"*<sup>31</sup>. Эта функция интеллигенции как социальной группы обеспечивает связанность и гомогенность\* общественной жизни, интеграцию индивида в существующие общественные отношения, она создаёт единство всех социальных групп, так как предполагает организацию и воспитание сознания, специальную разработку идеологических отношений людей. Таким образом, интеллигенцией является слой людей любого общества, которые внутри социальных групп специально заняты разработкой идеологических связей<sup>32</sup>.

При этом интеллигенция/интеллектуалы не представляют собой единого целого. На мой взгляд, можно согласиться с мнением современного российского исследователя А.Н. Севастьянова, который выделил в интеллигенции/интеллектуалах три слоя своеобразного конуса, верхнюю немногочисленную часть которого занимают идеологи, среднюю часть – пропагандисты, а нижнюю, самую широкую часть, – исполнители<sup>33</sup>. При этом условная «верхняя часть», наверное, ближе всего по своему содержанию с понятием «духовная элита», которая, по определению А.С. Ахиезера, представляет из себя *«особый тип социальной элиты»*, это *«социальная группа, стремящаяся, по крайней мере, в тенденции, творчески квалифицированно культивировать высшие*

---

<sup>29</sup> *Szczepanski J.* Die Intelligenz in der gegenwärtigen Gesellschaft. Frankfurt/M., 1966, s. 236.

<sup>30</sup> *Сверчкова Л.П.* Субъект духовного производства: методологический анализ. Л., 1988. С. 65.

<sup>31</sup> *Квакин А.В.* Современные проблемы изучения истории интеллигенции // *Проблемы методологии истории интеллигенции: поиск новых подходов.* Иваново, 1995. с. 8.

\* **гомогенный** (от греч. homogenes) – однородный по составу.

<sup>32</sup> См.: *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М., 1990. С. 334 – 336.

<sup>33</sup> *Севастьянов А.Н.* Национал-капитализм. М., 1995. С. 135.

ценности культуры, обобщать опыт мировой истории, стимулировать взаимопроникновение высших достижений национальной и мировой культуры... Она общается с основной частью народа через интеллигенцию, которая интерпретирует идеи духовной элиты для массового потребления, вкладывая в них иной, подчас прямо противоположный смысл»<sup>34</sup>. При такой трактовке речь идет не о подмене понятий «интеллигенция/интеллектуалы» и «духовная элита», а об их взаимодействии и возможной интеграции с различными социальными слоями.

Практика показывает, что общественное сознание справляется со своими задачами более или менее успешно, когда ему удастся разрешить проблему объединения в условиях общественного хаоса однотипных локальных культур в одну общую культуру. Для русских, как отмечают многие исследователи, характерно существование групп, рассчитанных на длительное, спокойное и размеренное существование, где люди не развлекают и не притесняют друг друга, а движутся по своим, хорошо рассчитанным и соотнесенным друг с другом орбитам, пересекаясь в четко определенных точках. Когда такой "космос" в группе налажен, и каждый человек знает его законы, тогда события, реакции и установки других становятся вполне предвидимы и ожидаемы, что дает каждому ощущение свободы. В. Вейде очень точно сумел передать свое видение этой свободы: *"В России, — пишет он, — по крайней мере, в старой России, было нечто, чего может быть уже нигде на свете нет: ощущение очень большой свободы, не политической, конечно, не охраняемой законом, государством, а совсем иной, происходящей от тайной уверенности в том, что каждый твой поступок твои ближние будут судить "по человечеству", исходя из общего ощущения тебя как человека, а не из соответствия твоего поступка закону, приличию, категорическому императиву\*, тому или иному формально установленному правилу"*<sup>35</sup>. Может быть, Вейдле прав, и уже нигде в мире такой группы больше нет, но принцип ее, но тяготение к ней осталось в нас, в наших архетипах\*\*. Мы плохо переносим отношения, в которых большое место занимает конкретность общения, как у большинства современных американцев. И напротив, хорошо чувствуем себя в такой группе, которая "лезет" в наши личные дела, копается в наших взглядах и мотивах, пытается формировать нашу личность. Мы позволяем ей это, мы даем ей такое право. За какие же такие пре-

---

<sup>34</sup> Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск, 1998. С. 162 – 163.

\* **императив** (от лат. imperatives – повелительный) – требование, приказ, закон.

<sup>35</sup> Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк, 1956. С. 127

\*\* **архетип** (от греч. arche – начало + typos – образ) – изначальные, врожденные психические структуры, образы (мотивы), составляющие содержание так называемого коллективного бессознательного и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, мифов, сказок и других созданий фантазии, в том числе художественной.

имущества? Хотя бы даже за один простой факт уверенности в том, что, если я запутаюсь в каких-то несчастливо сложившихся обстоятельствах, если всё будет против меня, то моя группа, отвергнув очевидные факты и вещественные доказательства, не даст мне пропасть. А толерантность указанной группы проявляется в том, что в ней человек может быть самим собой, таким, каков он есть: играть роль и показывать себя кем-то, заранее придуманным, здесь просто невозможно, а, следовательно, остается один вариант — чтобы тебя приняли в том виде, в каком ты сложился на данный момент, — со всеми недостатками, огрехами, слабостями. И если уж примут, то всё остальное определено. Можно вести себя естественно, говорить то, что думаешь, совершать ошибки и исправлять по ходу дела, поучать других и время от времени самому получать нагоняи. Это означает, что каждый человек в такой группе занимает совершенно своеобразное, индивидуальное, специально для него созданное "место", или "положение", тщательно учитывающее особенности его характера, структуру его способностей и все его установки. Но из этого, в свою очередь, должно следовать, что и вся система отношений в группе также индивидуальна, неповторима, поскольку она должна интегрировать все эти особые, для каждого данного человека «по заказу изготовленные положения». Это такая группа, которую невозможно стандартизировать, поставить на конвейер и штамповать в поточном порядке. Она изготавливается каждый раз «вручную», и изготовление ее — это сложная задача, требующая умений и навыков, которые получает человек в процессе воспитания в качестве глобальных установок. Чарз Кули в своей работе "Человеческая природа и социальный порядок" сформулировал такое соотношение: *"Для человека хорошо, если он будет открыт настолько, и будет брать из жизни столько, сколько он способен организовать в **консистентное\*** целое, а что сверх того, то уже нежелательно... Симпатия должна быть избирательной"*<sup>36</sup>. Если применить этот принцип к общению и к происходящему в этом общении обмену идеями и формированию личности, то, по-видимому, наш соотечественник явно предпочитает обилию и разнообразию впечатлений-элементов законченные системы. Поэтому он склонен брать много от немногих, в первую очередь от представителей интеллигенции. В идеале наше общение тяготеет к модели, которая некогда имела в нашей культуре большой вес и довольно широкое распространение, а именно — к отношениям "старец-послушник" (или "послушники"). Человек выбирал себе идеального учителя, приходил к нему, брал обет безусловного послушания, старался уподобиться ему и формировал себя как личность. При этом упор делался на по-

---

\* **консистенция** (от лат. consistere – состоять) – характеристика подвижности (густоты, вязкости) жидкости или аморфных веществ.

<sup>36</sup> Cooley C. The two major works: Human nature and social order. Glencoe, 1956. P. 147.

слушании, но большее значение имел также **выбор**, в котором послушник был совершенно свободен. Удивительно для нас, детей XX века, который в ранг кумира и высшей ценности возвел понятие "личность", насколько люди, по-видимому, никогда не употреблявшие этого понятия, не произносившие красивых слов об уникальности, неповторимости, микрокосме и так далее, насколько они *более уважительно* относились к делу выработки самой личности. Они отказывались не только от развлечений, но и от насущнейших потребностей, для того чтобы полностью посвятить себя важному делу — стать личностью, принять личность как эстафету от достойнейшего и передать ее дальше — следующим поколениям. Они спасали свою душу, но одновременно они выполняли огромную культурную работу: они выбирали и передавали *идеалы*. Идеал, по Кули, это *"гармоничная и созвучная нашему духу реконструкция элементов опыта... Его активная функция — символизировать и определять желательное и тем самым делать его объектом намерений"*<sup>37</sup>. Культура представляет собой комплексы идеалов или систему принципов, *"которые должны постоянно стимулировать лучшие чувства человека и обеспечивать схему или строительные леса для внушений, помогая ему организовать свое мышление"*<sup>38</sup>. Один человек не может выработать такой системы, никому не под силу такая работа, а потому *"социальный опыт — это проблема контактов представлений, а не физических контактов"* и представление о том, что *"видеть жизнь" — это значит передвигаться с места на место и делать множество очевидных вещей — это иллюзия, свойственная вялым умам"*<sup>39</sup>. *"Развитие персональных идей посредством взаимодействия предполагает рост силы симпатии и включения в (а также участия в) сознании других людей"*<sup>40</sup>. Вот это *"участие в сознании"* друг друга и есть интимнейшая сторона и глубочайшая суть группы первичного типа, которая всегда предполагает диффузное\* общение. Только при глубоком и безусловном доверии, при хорошем знании всех особенностей и сильных сторон "другого", при уверенности в своей ценности для него — только при всех этих, а также многих других условиях возможно естественное и плодотворное общение не только по линии общих дел, не только в сфере чувств и эмоций, не только по поводу тех или иных конкретных идей, но на уровне самой сердцевины сознания, на уровне "я", так что, в конечном счете, мы так проникаемся *"представлениями о мыслях и чувствах*

---

<sup>37</sup> Cooley C. P. 393.

<sup>38</sup> Cooley C. P. 399.

<sup>39</sup> Cooley C. P. 139 – 140

<sup>40</sup> Cooley C. P. 136.

\* **диффузия** (от лат. diffusion – распространение, растекание, рассеивание) – движение частиц среды, приводящее к переносу вещества и выравниванию концентраций или к *установлению равновесного распределения* концентраций частиц данного сорта в среде.

других членов данной группы и о группе как целом, что, можно сказать, мы фактически делаем их частью своего "я" и идентифицируемся с ними в своем самоощущении"<sup>41</sup>. И разве не то же самое утверждал отец Павел Флоренский, что в природу любого духовного порыва *"непреренно входит требование выйти из субъективности, воплотиться во внешнем мире и продлиться возможно дольше"* и если на пути к этой цели *"от желания воздвигнуть молитвенную мельницу не отличается таковое же — построить храм, позолотить купола и так далее включительно до мирских запечатлений в веществе — духа: написания картины, напечатания и размножения поэмы и опубликования научного открытия"*, если во всем этом, *"в самой глубине чистейшего духовного движения содержится импульс к переходу во вне и к возможно прочному закреплению себя в мире"*, то носитель нашей культуры больше всего склонен закреплять себя в своеобразном материале, а именно — *в других людях*. Удвоить, утроить себя — вот задача, достойная решения. Приобретая в людском хаосе друга, человек передает другому свою *личность* со всеми ее качествами, на которых, как мы видели, сосредоточено основное внимание при описании *идеалов*, которыми следует руководствоваться на пути к праведности. Качества передаются от человека к человеку, личность формирует личность, лепится идейный аттрактор — так создается и существует наша культура. И здесь особая роль всегда принадлежала интеллигенции, как особому функциональному органу, организующему стихию межличностных отношений.

Когда наши соотечественники говорят: «Терпение и труд всё перетрут», — имеется в виду ни много, ни мало, а именно *всё*, все сферы жизни человека, которые, однако же, неравноценны. Сфера, создаваемая и устраиваемая трудом, — это сфера земного, материального благополучия. Но поскольку сама эта сфера не котируется высоко, то и труд, как средство созидания в этой сфере, нигде не ставится в один ряд со спасением и терпением. И в этом сознание нашего народа полностью единодушно с православной религией, которая в отличие от протестантизма, видящего в труде смысл и предназначение человека в мире и главное средство очищения и созидания его души, отрицает за трудом такое значение. Этого большей частью не понимали наши интеллигенты-мыслители. Им все казалось, что просто "вчерашний крестьянин" еще не привык к новым условиям труда и промышленности или "разбаловался", дезориентирован, или не заинтересован и потому не проявляет особого интереса к труду. Достаточно, следовательно, заинтересовать его, показать, перевоспитать — и он полюбит труд и станет "нормальным" европейским народом. Тогда к нему с полным правом можно будет применить известное клише: "трудолюбивый и талантливый". Трудолюбие есть в

---

<sup>41</sup> Cooley С. Р. 136.

нем, и он его проявляет, и таланты есть (они есть в каждом народе), но не это составляет его лицо. Терпение и страдание — способ формирования личности, выработки сильного духом "непадающего" деятеля. В этом своем качестве они признаются всем христианством вообще, во всех его разновидностях, в том числе и нашей культурой, прочно усвоившей христианство. Но для нашей культуры — это только один слой, довольно поздний по времени. А если заглянуть *под* него, то можно нащупать и более древний слой, в котором терпение и самоограничение являются не только способом завоевания свободы духа, но имеют и более глобальное значение — принципа существования, поддержания гармонии и установления равновесия в мире. Этот аттрактор, должно быть, один из самых древних способов существования. Леви-Стросс говорит о первобытных обществах, что они *"эксплуатируют природную среду так, что это гарантирует скромный уровень жизни и вместе с тем защиту природных ресурсов. Их системы брачных правил имеют в глазах демографов то общее, что они до крайности ограничивают рождаемость и поддерживают ее на постоянном уровне. Их политическая жизнь основана на единодушном согласии и допускает только единодушные решения. Она как бы исключает использование в своих целях различий между властью и оппозицией, между большинством и меньшинством"*<sup>42</sup>. Это — способ существования суровый, но рассчитанный на вечность: при такой системе окружающей, природной и социальной, хватит на всех и очень надолго, практически навсегда. *Эти общества не нацелены на развитие, движение в каком-то определенном направлении: они существуют в вечности.* И человек, живущий в таком обществе, также привыкает воспринимать себя с точки зрения вечности. А на этом фоне человеческое существование очень кратко и эфемерно\*. В контексте современной жизни и культуры, когда мы думаем о краткости и ограниченности человеческого существования, нам становится грустно и страшно. Но это происходит, по-видимому, оттого, что мысль эта непривычна для населения. Обычно мы живем так, как будто нам уготована бесконечная жизнь впереди, наше будущее переполнено целями и планами, многие из которых с точки зрения вечности показались бы мелкими и суетными, но мы относимся к ним серьезно, а о смерти стараемся вовсе не думать, прогоняем от себя эту мысль. Но бывают такие периоды, когда человек вынужден стать лицом к лицу с вечностью. Этой же общей ориентированностью культуры на вечность объясняется и отсутствие в ней разработанной временной перспективы и вообще временного измерения. Будущее в своих основных чертах должно быть похоже на настоящее, из прошлого же закрепляются в па-

---

<sup>42</sup> Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1980. С. 113 – 114.

\* **эфемерный** (от греч. ephemēris – однодневный) – мимолетный, призрачный, нереальный.

мяти только обобщенные вехи, имеющие значение в вечности, — всё остальное опускается как несущественное. В нашей культуре нет ориентации на прошлое, как нет ее и на будущее. Никакого движения, этапов, промежуточных ступеней и точек не предполагается. Отсюда та характеристика, которую так точно подметил в ней Бердяев: апокалипсичность\*\* мышления, внеисторичность его. Историчность (которую в данном случае Бердяев отождествляет с культурой вообще, поскольку для него "культура" — только то, что соответствует западноевропейскому представлению о культуре, всё остальное — вне культуры) *"предполагает, что за серединой жизненного процесса признается какая-то ценность, что значение имеет не только абсолютное, но и относительное"*<sup>43</sup>. Вот этой историчности изначально нет в культурах, ориентированных на вечность. Это и понятно: какая же относительность в вечности — в вечности может оставаться только абсолютное. Отсюда — невероятная трудность и сложность реформации в ареалах таких культур. Они очень сильно сопротивляются всякому изменению. Когда же, наконец, происходит сдвиг сознания, он касается ни много нимало абсолютных точек отсчета. Тогда культурные скрепы распадаются вообще, изменение приобретает неконтролируемый, хаотичный, страшно разрушительный характер: апокалипсическое сознание *"устремляется к концу, к пределу"*, минуя всю середину жизненного процесса<sup>44</sup>. Противоречивость менталитета русской культуры формирует стабильное устремление выбиться из пленения дуальных противоречий, одолеть внутренне-конфликтное строение "скачком", "рывком", "взрывом" — за счет радикального перехода в новое, совсем даже неподготовленное, внезапное качество. Отсюда — ординарный для русской общественной истории "катастрофичность" темпа и ритма национального развития, прерывность исторического процесса, сопровождаемая крутой ломкой социокультурных парадигм\*, переменой типов цивилизации на протяжении кратких отрезков времени<sup>45</sup>. Тем не менее, надлежит направить внимание на принципиально значительное замечание П.А. Сорокина: *"Если сравнивать частоту, интенсивность, долговременность, степень разрушительности и насилия революционных и других важнейших социополитических волнений, то русская нация едва ли будет выглядеть более революционной и "склонной к беспорядкам" в период с XII по XX столе-*

---

\*\* **Апокалипсис** (от греч. apokalypsis – откровение) – откровение Иоанна, одна из книг Нового Завета, где содержится пророчество о «конце света», о борьбе между Христом и антихристом, «Страшном суде», «тысячелетнем царстве Божьем». Здесь апокалипсичность – что-либо гибельное для мира, для цивилизации.

<sup>43</sup> Бердяев Н. Духи русской революции // *Из глубины*. М., 1991. С. 61.

<sup>44</sup> Бердяев Н. Там же. С. 62.

\* **парадигма** (от греч. paradeigma – пример, образец) – исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе.

<sup>45</sup> Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.

тия по сравнению с большинством европейских наций, Древней Грецией, Римом и Византией. Однако, ...эти отличия трудноизмеримы и разнятся от страны к стране в различные исторические периоды; каждая нация бывала "революционной" и "склонной к беспорядкам" в одни периоды своей истории, и в то же время вела себя вполне "спокойно" в другие периоды. Это доказывает лишь то, что широко распространенное мнение об особой "склонности к беспорядкам" и особом "революционизме" русского народа является пропагандистским стереотипом, запущенным в употребление политическими противниками русской нации, царского и

В последние десятилетия появился ряд крупных работ, исследующих такого рода "апокалипсические взрывы", сопровождаемые восстаниями и движениями больших масс<sup>47</sup>. По мнению авторов данных исследований, толчком, развязывающим апокалипсические взрывы, социальный беспорядок, является всегда не желание масс что-то "улучшить" или что-то "устранить", а кризис ориентации, общественный хаос, распад традиционных ценностей и традиционного образа жизни, нарушение "нормального" состояния общества или отклонение от него. Речь идет всегда не о том, чтобы чего-то "достигнуть" или ввести, а о том, чтобы восстановить что-то утраченное, нечто естественное как воздух, что всегда было и всегда *должно быть*, о том, чтобы вернуться, но не к прошлому, предыдущему (в таких категориях не мыслит апокалипсическое сознание), а к *норме*, к естественной модели своей культуры. Очень наивна широко распространенная точка зрения, что народ "бунтует", когда он находится в "невыносимых условиях" (под которыми обычно понимаются материальные условия существования). Народ может вынести необычайно много, если в его сознании эти тяготы обоснованы. Причем обоснованием их не обязательно должна быть, например, война, неурожай или другие стихийные бедствия. Народ в те периоды, когда он находится под влиянием нашей древней (и менее древней — православной) культуры, — вообще склонен считать аскетизм и всякое воздержание ценностью, так сказать, основой жизни. Отец Александр Ельчанинов так осмысляет эту точку зрения: *"Почему всякое "наслаждение", "сладость" — грех? Потому что момент наслаждения, есть момент усиления личного самочувствия, и чем острее наслаждение, тем глубже мой разрыв со всеобщей гармонией. От наслаждения — к самолюбию, от самолюбия — к разложению, от разложения — к смерти"*. Другими словами, переживание наслаждения уводит человека вглубь себя, к себе самому, об-

---

<sup>46</sup> Сорокин П.А. Основные черты... С.482.

<sup>47</sup> Норман К. В поисках тысячелетнего царства: Революционные миллениарии и мистические анархисты средних веков. М., 1970; Колаковский Л. Христиане без церкви. М., 1961; Мюльман В. Революционный мессианизм третьего мира. М., 1968.

рашает только на себя, отрывает от других, индивидуализирует — чем и разлагается гармония целого, ведет к хаосу. Напротив, посредством воздержания и самоотказа я эту гармонию поддерживаю. А ещё проще: мир существует и правильно движется только нашими жертвами, нашим терпением, нашим самоограничением. Интеллигент, привыкший всегда уделять много внимания своей собственной, индивидуальной внутренней жизни, приходит к таким состояниям в исключительных обстоятельствах. Народ же, крепкий в своей древней культуре, всегда считает тягу к наслаждению, к эйфории чем-то греховным. Поэтому в стереотипы культурного поведения нашего этнического комплекса не входит яркая мажорность, проявления веселости, уверенности в себе. Они все окрашены в более мягкие, сдержанные, пастельные тона. Всестороннее изучение русского характера, менталитета\* и архетипа позволит лучше понять и оценить процессы, характерные для истории российской интеллигенции.

Проведение в последнее 10-летие исследования соотнесение понятий "интеллигенция" – «интеллектуалы» – "духовная элита", уточнение хронологических рамок создания прединтеллигенции, интеллигенции и высказывание позиции по вопросу о "ликвидации", "гибели", "уничтожении" интеллигенции, перерождения её в "образованщину" (А.И. Солженицын) позволили на основе подходов В.П. Зинченко рассматривать интеллигенцию как функциональный орган любого общества, как самореконструирующуюся социальную систему<sup>48</sup>. Во многом это продолжает гениальную догадку культовых историков 1970-х – 1980-х годов, и в первую очередь Л.М. Зак, о том, что интеллигенция не может не быть нетворческой. Постоянное развитие, самосовершенствование, творческие поиски выделяют интеллигенцию из других социальных групп. Отказ от творчества и саморазвития приводит к потере интеллигентом своего **ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО ПРИЗНАКА** при наличии высшего или среднего специального образования, при постоянном занятии нефизическим трудом.

При этом исследователи всё яснее осознают, что при изучении исторических сюжетов мы оказываемся перед проблемой изучения Объекта, сравнимого с Исследователем по совершенству. Исследователь подходит к изучению такого Объекта в наивной убежденности, что мудрость Исследователя превосходит сложность Объекта. Однако на деле даже простейшее восприятие фактов оказывается обусловленным готовностью увидеть подтверждение уже сформировавшимся у нас гипотезам. Ис-

---

\* **менталитет** (от лат. mentalis – умственный) – ментальность – образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе.

<sup>48</sup> Зинченко В.П. Живое Знание. Самара, 1998.

пользуя классическую фразу «*То, что мы знаем, мешают нам увидеть то, что мы видим*» сторонники синергетики, на мой взгляд, абсолютно верно обращают наше внимание на то, что предметом изучения должны стать сложные системы, особенно находящиеся в отношении неустойчивого неравновесия со средой (к последним относятся и социальные организмы). Можно утверждать, что для объективного соотношения места и роли интеллигенции в обществе требуется многогранная триангуляция\*\* данного слоя в хаосе общественных процессов. Таким образом, в сферу внимания попадают нелинейные эффекты эволюции систем любого типа, кризисы и бифуркации – неустойчивые фазы существования, предполагающие множественность сценариев дальнейшего развития<sup>49</sup>. Исследователь, убежденный, что описывает выбранный Объект, видит лишь фрагмент его, далеко не всегда самый значимый, и не подозревает о том, что Объект во всей его сложности и целостности ускользает от его исследовательского внимания.

Современное гуманитарное сознание постепенно приходит к выводу, что без развития Личности не может быть и развития Человечества. Ликвидация прежней конфронтации миров, идеологий, классов, наций создает возможности для нового осознания общечивилизационных ценностей. Поэтому возникла потребность по-новому взглянуть на развитие цивилизации, человечества и человека. Ведь прежние исторические схемы казались логически непротиворечивыми и убедительными именно потому, что их действие не предполагало участия Человека, Личности, полностью исчезавшего в этом качестве внутри абстрактных классовых или цивилизационных сил. А поворот к Человеку, признание его во всей сложности развития человеческих потребностей, мотивов, эмоций, духовных исканий центром исследования заставляет гуманитариев обращаться к новым для них понятиям «расплывчатых множеств», «плохо сформулированных задач», «размытых определений» стремиться к установлению более тесных связей между смежными гуманитарными науками.

При этом историки интеллигенции сегодня ощущают еще и специфические сложности, связанные с тем, что, пытаясь созерцать свой Объект исследования со стороны, они не перестают между тем быть частью данного Объекта, на личном опыте их сказываются эволюционные процессы, происходящие в интеллигенции

---

\*\* **триангуляция** (от лат. *Triangulum* –треугольник) – метод определения положения геодезических пунктов построением на местности систем смежно расположенных треугольников.

<sup>49</sup> См.: *Назаретян А.П.* Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. М., 1991; *Пригожин И.* От существующего к возникающему. М., 1985; *Митина О.В., Петренко В.Ф.* Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // *Общественные науки и современность*. 1995. № 5; *Назаретян А.П.* Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. М., 1995; *Jantsch E.* The Self-Organizing Universe. N.Y., 1980.

(используя метафору В.П. Зинченко, интеллигенция – это постоянно самореконструирующийся в полете самолет). Известный отечественный философ М.К. Мамардашвили с тревогой говорил в конце 1980-х годов: *«Молодые люди лишены чувства исторической традиции и ответственности еще и потому, что у них нет даже возможности выбора, решения. Поскольку выбор-то (в смысле: «жизнь моя, а вместе с ней и весь мир здесь решается») делается всегда в лоне предшествующих образцов-поступков, – а никто вокруг или до тебя никак не поступал»*<sup>50</sup>. По мнению М.К. Мамардашвили, способность совершить конкретный поступок как нечто «невозможное» (до меня никто никогда так не поступал) формируется только на основании диалога с другими людьми, которые уже совершили свое «невозможное», то есть речь идет о «диалогах» с людьми разных исторических эпох. А сегодня такой диалог для молодежи (и порой не только для нее) почти невозможен, ибо прежние герои советского и досоветского прошлого из советских учебников, в том числе представители интеллигенции, сняты с пьедесталов, а новые еще не определены. В общественном сознании наблюдается обострение исторической конфабуляции\*. Так, современный отечественный психолог А.Л. Свенцицкий в статье «"Позитивное незнание" как компонент советской ментальности» пишет: *«Советские люди восхищались полетом Гагарина, не зная о предшествующих неудачах, о том, что до этого полета был другой первый космонавт – Бондаренко, который сгорел в ракете»*<sup>51</sup>. Теперь, наверное, уже ставится под сомнение и подвиг коммуниста Юрия Гагарина, хотя фамилия Бондаренко почти никому неизвестна. Так кто был первым в мире человеком в космосе? Сенатор Джон Глен? Нет героев, нет поступков, нет гражданского сознания, а без него не может быть и гражданского общества.

И современный историк интеллигенции не может не слышать обращенных к нему вопросов всей современной интеллигенции, для которой сегодня жизненно важно уяснить уроки своего прошлого, осознать свое место в обществе сегодня и увидеть перспективы общественного развития и оценить свою роль в нем. Во многом это становится возможным за счёт использования теории хаоса и основополагающих идей синергетики. Междисциплинарный потенциал синергетики, общенаучная значимость предмета, стиля и метода мышления, применение, частично, математическо-

---

<sup>50</sup> Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 1990, с. 173-174.

\* **конфабуляция** (от лат. Confabulatio – беседа, разговор) – разновидность парамнезии – заполнение пробелов в памяти фантастическими выдумками.

<sup>51</sup> Свенцицкий А.Л. «Позитивное незнание» как компонент советской ментальности. // *Российское сознание: психология, культура, политика. Материалы Международной конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем»*. Самара, 1997. С. 25.

го аппарата обусловили распространение ее исследовательских приемов на области гуманитарного знания. Это помогает раскрыть дополнительные причинные зависимости в происхождении и эволюции психики, интеллекта, духовной культуры (как антиэнтропийных факторов), исследовать динамику индивидуального и общественного сознания. Именно на этом пути, на мой взгляд, возможны существенные прорывы в изучении российского общества и его интеллигенции, как важнейшего функционального органа в преодолении хаоса общественного развития и выработке основополагающих идей, консолидирующих общество на основе знания его прошлого и осмысления настоящего.

© Андрей В. Квакин, 2003.